

УДК 81'28

ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С ДОМОВЫМ, В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ПОСЕЛКА СЕВЕРНЫЙ КОММУНАР СИВИНСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ¹

Мария Андреевна Гранова

ассистент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614000, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. marjanaandreeva@mail.ru

В статье на материале записей диалектной речи русских жителей поселка Северный Коммунар Сивинского района Пермского края рассматриваются функционирующие на этой территории обряды, связанные с домовым: ритуал кормления и ритуал перевода (переноса) в новый дом. Анализ указанных диалектных текстов позволил установить, что в поселке, с одной стороны, сохраняются общеславянские поверья, связанные с проведением этих обрядов (место и время обряда кормления домового и перечень используемых блюд; перенос домового в новый дом с частью старого хозяйства), с другой стороны, наблюдается трансформация названных обрядов, происходящая под влиянием массовой культуры (кормление домового в его день рождения; использование при ритуальном кормлении фигурки персонажа, купленной в магазине; переосмысление выражения *первый блин комом* и появление номинации домового *ком*; контаминация обряда переноса домового в новый дом и обычая первой впускать в новый дом кошку).

Ключевые слова: русские говоры Пермского края; народная демонология; поселок Северный Коммунар; домовый; «кормление» домового; приглашение домового в новый дом.

Изучение мифологических представлений русских жителей Пермского края по-прежнему остается одним из важных направлений работы фольклористов и этнолингвистов. С 1980-х гг. по настоящее время учеными Пермского государственного национального исследовательского университета проводятся диалектологические и фольклорные экспедиции в различные районы края с целью сбора лексического и текстового материала, отражающего эти представления. Так, в июне 2019 г. состоялся выезд ученых и студентов филологического факультета в поселок Северный Коммунар Сивинского района.

Настоящая статья посвящена рассмотрению функционирующих в среде русского населения поселка Северный Коммунар народных верований, связанных с домовым, на фоне общеславянской народной традиции и мифологических представлений, бытующих в других районах края; будет рассмотрено взаимодействие человека с духом дома, а именно – обряды, связанные с домовым. Основой анализа указанного персонажа стала схема, предложенная Л.Н. Виноградовой и С.М. Толстой в работе «К проблеме идентификации и сравнения персона-

жей славянской мифологии» [Виноградова, Толстая 1994].

Материал исследования – записи диалектной речи русских жителей поселка Северный Коммунар, собранные преподавателями и студентами филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета в июне 2019 г., хранящиеся в диалектологическом архиве лаборатории лексикологии и лексикографии (рук. И.И. Русинова) и в фольклорном архиве лаборатории теоретической и прикладной фольклористики (рук. С.Ю. Королёва) указанного университета (Материалы 2019). В качестве сопоставительных материалов использованы данные этнолингвистического словаря «Славянские древности» и тексты о домовом, зафиксированные в различных районах Пермского края во время экспедиций прошлых лет, также находящиеся в указанных архивах.

В общеславянской мифологической традиции домовый – «домашний дух, мифологический хозяин и покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных, плодородие» [Левкиевская 1999а: 120]. Согласно общеславянским представлениям, он

«выполняет все хозяйственные работы..., охраняет дом» [там же: 123], «своим поведением или появлением предвещает будущее, предупреждает об опасности, отводит беду» [там же: 122]. Кроме того, персонаж, «будучи мифологическим главой семьи, следит за отношениями между домочадцами, наказывая зачинщиков ссоры, лжецов, нерях» [там же: 122]. Так, на территории поселка Северный Коммунар бытуют представления о том, что дух дома наказывает жильцов, если они ссорятся; оставляют грязную посуду на столе на ночь; сметают мусор в подвал или плохо убирают дом; находясь дома, не следят за своим внешним видом (ходят с нерасчесанными волосами); плохо едят; оставляют обеденный стол пустым на ночь. При этом способы наказания разнообразны: жители поселка указывают, что домовый может *напугать* жильцов *пожаром*, *греметь посудой*, *шуршать* (в печке). Однако иногда вредоносное воздействие домового на человека, его семью и хозяйство, согласно представлениям славян, может быть не связано с поведением жильцов дома: домовый может вредить людям только потому, что ему не нравятся человек или скотина, либо вообще без повода. Так, жители поселка Северный Коммунар указывают следующие вредоносные действия персонажа: он *пугает*, *спать не дает*, *бьет посуду*, *сдёргивает* с хозяев *одеяло*, *гоняет скотину*.

Согласно славянским представлениям, чтобы домовый не вредил хозяевам дома, его необходимо задабривать. Задабривание представляет собой комплекс магических действий, применяемых с целью умиловить демона и избежать опасности, исходящей от него; «этот комплекс включает в себя ласкательные и хвалебные имена, формулы вежливости, жертвоприношение, кормление, “кумение” и др.» [Левкиевская 1996: 244]. В мифологической традиции поселка Северный Коммунар наиболее распространенным способом задабривания домового является кормление. Здесь существует несколько вариантов этого обряда. Рассмотрим их подробнее.

Самым простым вариантом кормления домашнего духа является оставление для него на столе на ночь любой пищи, которую днем едят и сами хозяева (чаще всего это сладости). Жители поселка считают, что, если оставить на ночь обеденный стол пустым, домовый рассердится и будет вредить хозяевам: *Говорят, что пустым стол не оставляют, чтобы домовому было чем полакомиться. Если он чем-то не лакомится, значит, он начинает пакостить, пугает людей* (Материалы 2019); *Мы сначала не замечали, потом у нас ложек чайных вообще мало осталось. Дошло до того, что одна ложка или две ли осталось дома. И потом кто-то им подсказал:*

«Это у вас домовый ходит, потому что вы всё убираете на ночь со стола». То ешь хлеб там, конфеты, пряники – ничего не остаётся. «Вы оставляйте хотя бы кусочек хлеба на столе. Это просто домовый пакостит». (А потом они стали оставлять?) Да, они теперь оставляют всегда там пряники или конфеты на столе. (Прекратилось?) Да [там же]; (Оставляли домовому угощение какое-то на столе?) Там вот у нас старушка была, она водилась с таким. Ну знала много вот этого, типа знахарки. Вот про неё говорили, что она там оставляет ему, курей держит, яйца ему ложит туда обязательно, он любит [там же].

Иногда пищу для духа оставляют не на столе, а в углу или в голбце: И1: *Домового надо подкармливать*. И2: *Конфетку ему ложить в уголок, варенье ставить, молочко ложить*. И1: *Чашку, каша варится какая-то, каша варится...* (Материалы 2019); *У нас хлеб мама напекёт, ярушники, в печке в русской. И там такая полка была, и почему-то в голбце держали хлеб. Вот и, может, хлеб-то для того и туда ложили, что он (домовой), наверно, ел. (Поест, когда захочет?) Наш-то хлеб-то лежал, дак, может, и его подкармливали поетому [там же].*

Дело в том, что угол «как наиболее далекая от центра точка жилища и замкнутое с двух сторон пространство (внутренний угол) – воспринимается как культурная периферия», за этим пространством в традиционной культуре «закрепляется комплекс отрицательных значений, соотносимых с идеей маргинальности» [Агапкина 2012а: 341], поэтому угол, «как пограничное пространство, считался местом обитания нечистой силы» [там же: 343]. Подвал (голбец), как нижняя часть дома, в традиционной символической трехчастной пространственной структуре жилища («сакральный верх – земной мир – подземный мир») соотносится с подземным миром [Левкиевская 2009: 103], поэтому часто выступает как место обитания представителей «нечеловеческого» мира, в том числе домового, и как место ритуальной коммуникации с ними. Иногда еду для домового относили в конюшню, которая, наряду с домом человека, воспринимается носителями традиционного сознания как место обитания домашнего духа (пример см. ниже).

Другой вариант рассматриваемого ритуала, представленный на территории поселка, – обряд кормления, приуроченный к определенному христианскому празднику – Великому четвергу, Пасхе, Рождеству или Крещению: *Его надо кормить, суседушку этого, его нужно кормить перед Пасхой, по-моему. Перед Пасхой ему нужно ставить (к печи). <...> Вот тёплое место. Кашу ему на(д)о ставить перловую. <...> Ко(г)да*

всю избу вымоешь вот, на **Чистый четверг** вот (Материалы 2019); *В конюшне всегда на Паску, на Крещение, девятнадцатого, мама всё время в конюшню уносила то кусочек хлеба, то ша-нежку кусочек;* (А люди какие-нибудь гостинцы домовому оставляли?) *Раньше же вот даже был день домового. В январе, в Рождество, восьмого, что ли, января день домового. И отваривали курицу, пекли пироги, оставляли это всё на столе. А когда наутро просыпались, считали, что всё, домовому почести сделаны, домового ублажили, потом ели сами [там же].*

То, что именно к этим праздникам приурочено ритуальное кормление духа дома, можно объяснить, если обратиться к их культурной семантике. Так, Великий четверг и Пасха связаны с культом предков: на Страстной, пасхальной неделе славяне совершали поминовения предков, основанные на представлении о «Пасхе мертвых», когда Господь открывает рай и ад и выпускает души умерших, чтобы они могли отметить Пасху у себя дома [Агапкина 2004: 642]. Домовой же, согласно славянским верованиям, может восприниматься как оставшийся в жилище дух умершего первопредка рода или какого-либо умершего старшего родственника: «домовой существует в каждом доме и связан с определенным родом, предком которого он мыслится» [Левкиевская 1999а: 120]. Как представляется, это одно из возможных объяснений того, почему в чистый четверг и Пасху принято кормить домового.

Другое объяснение может быть связано с тем, что Великий четверг, Пасха и Рождество в славянской культуре трактоваться как переходное время – от конца старого года (календарного цикла) к началу нового: «как и другие весенние праздники, Чистый четверг осмыслялся как начало нового года, поэтому к нему были приурочены многочисленные инициальные магические ритуалы, распространяющие свое действие на весь год» [Агапкина 2012б: 555]; Пасха, «благодаря присутствующей в ее мифологии идее начала и обновления, воспринималась как праздник, определяющий жизнь человека и семьи на грядущий год» [Агапкина 2004: 642]; Рождество также имеет семантику «природного рубежа между старым и новым годом» [Виноградова, Плотникова 2009: 454]. Можно предположить, что кормление домашнего духа происходит именно в эти праздничные дни, поскольку жильцам дома требовалось заручиться его поддержкой на весь наступающий год (цикл).

Наконец, еще одно объяснение того, почему ритуальное кормление домового часто приурочено к Рождеству или Крещению, возможно, заключается в том, что эти праздники (точнее, период от Рождества до Крещения) воспринимают-

ся как «опасное, “нечистое”, “страшное” время, на которое приходится особый разгул нечистой силы и приход душ умерших родственников» [Виноградова, Плотникова 2009: 457]. Поэтому жильцам требуется умиловить домашнего духа, чтобы он не причинил им вреда.

По-видимому, в русле описанных календарных представлений находится и следующее зафиксированное на территории поселка Северный Коммунар верование: *Тоже взято из интернета, что двадцать девятого января его (домового), или двадцать восьмого января, у него там день рождения. Его надо кашей кормить, оставлять на ночь* (Материалы 2019). В словаре «Славянские древности» нам не встретилось упоминания о таком празднике и связанном с ним ритуальном кормлении духа, зато такие сведения мы часто находили в сети Интернет (как и наши информанты, которые также указывали, что источником этих представлений является глобальная сеть). Это дает основание полагать, что в данном случае мы имеем дело не с изначальными традиционными верованиями, а с их трансформированным под влиянием массовой культуры вариантом.

Из приведенных текстов, описывающих обряд кормления домового в поселке Северный Коммунар, видно, что в качестве ритуальной пищи для духа могут выступать лишь определенные продукты и блюда. Во-первых, это что-либо сладкое (конфеты, пряники, варенье), соотносимое в народной культуре славян с позитивными свойствами: «приятный», «красивый», «желанный», «любимый», «добрый», «счастливый»; сладкая пища «актуальна для продуцирующих, апотропеических... ритуалов, актов жертвоприношения [Седакова 2012: 33]. Славяне считают, что, если демон (в том числе домовый) поест сладкого, он станет добрым, а следовательно, будет заботиться о хозяевах дома и сделает их жизнь счастливой.

Во-вторых, жители поселка часто кормят домашнего духа хлебными изделиями (собственно хлебом, шаньгами, пирогами, блинами). Как представляется, использование хлеба в данном обряде, направленном на достижение благополучия в доме, связано с его трактовкой, с одной стороны, как «высшей жизненной ценности... главного ресурса жизни, символа достатка благоденствия, здоровья и плодородия», с другой стороны, как «средства общения... живых с умершими» [Толстая 2012: 412]. Таким образом, можно представить две мотивировки обряда с использованием хлеба: 1) люди делятся с духом своим самым важным жизненным ресурсом, побуждая домового не вредить им и обеспечивать из благополучие; 2) с помощью хлеба люди об-

щаются со своим умершим предком, который стал домовым. В связи с последним утверждением хотелось бы рассмотреть еще один текст, зафиксированный на территории поселка: И1: *Ком, его (домового) называют «ком».* (Как?) *Ком. Вот и говорят: «Первый блин комом».* Это, «комом», не значит, что вот комком он, а «первый блин – домовому». (Это вы по телевизору слышали?) Да. *«Первый блин комом».* «Первый блин комом» – я тоже думала, «комом» – это неудачный блин что такой. И2: *Комком свалился, вот так свалился, его переворачиваешь...* И1: *Нет, наоборот, первый блин комом, комом, ком – это вот домовый. «Второй блин – знакомой, третий – дальней родне, а четвертый уже только мне»* (Материалы 2019). Этот фрагмент интересен тем, что, с одной стороны, в нем отразились славянские народные представления о блинах как ритуальном блюде, связанном с темой смерти, «того света», с поминовением предков (а домовый – это, как говорилось выше, дух умершего предка); при этом, согласно народной мифологии, «особую значимость в различных обрядах и бытовой практике имеет первый испеченный блин» [Гура, Лаврентьева 1995: 194], который обычно предназначается либо мифологическому персонажу (покойнику, предкам, Морозу, Масленице и т. д.), либо важным участникам различных обрядов (колядующим, пастуху, жениху, первому встречному и т. д.). Вероятно, использование первого блина в обряде кормления домового связано с культурным маркированием «первого» как «лучшего», «главного», «важного», «счастливого», а также с приписыванием «первому» апотропеических свойств [Валенцова, Седакова 2004: 674].

Однако, с другой стороны, в приведенном фрагменте встречается номинация домового *ком*, мотивированная выражением «первый блин – комом» – «первый блин – домовому». Такое название персонажа нетипично для общеславянской традиции и не встретилось нам в материалах Пермского края. Кроме того, сам информант указывает, что услышал это по телевизору, а не от старших родственников или соседей. Как представляется, данное название персонажа, как и такое переосмысление приведенного выражения, свидетельствует об активном влиянии современной массовой культуры на народную традицию.

В-третьих, обрядовой пищей для кормления домашнего духа на рассматриваемой территории служит *каша* (часто перловая), что также находится в рамках общеславянских мифологических представлений и связано с тем, что это блюдо изготавливается из «природного», почти необработанного продукта – целых зерен [Валенцова 1999: 484], которые имеют «символику плодородия,

обилия, роста, приумножения достатка» [там же: 483]. С другой стороны, *каша* также являлась у славян поминальным блюдом [там же: 486].

В-четвертых, для ритуала кормления духа дома жители поселка используют яйцо, которое в славянской культуре выступает как «сосредоточие витальной силы, символ плодородия, непрерывного воспроизводства жизни, начала всех начал» [Виноградова 2012: 621], а также является поминальной пищей. Сходную символику, связанную с плодородием, имеет курица; она также присутствует на поминальном столе славян; кроме того, курица напрямую связана с мифологическими персонажами (часто духи, в том числе домовый, могут принимать облик курицы) [Бушкевич 2004: 60]. Вероятно, этими мотивами можно объяснить оставление жителями поселка вареной курицы в качестве ритуальной пищи для домашнего духа.

Наконец, следует сказать еще об одной форме обряда кормления домового, бытующей на рассматриваемой территории. Так, в некоторых домах поселка Северный Коммунар жители ставят купленные в магазине фигурки домового и не только регулярно «кормят» их, но и делают им приношения в виде денег и украшений, веря, что эти действия обеспечивают благополучие в доме: И1: *Вот у нас домашний домовый* (показывает). И2: *Ну это уже стилизация.* И1: *Такой красивый* (Материалы 2019); *У меня сидит домовый, и мне его подарили. Дочь, наверно, привезла. Мне сказали: «Ложки ему конфеты».* У меня у него в шляпке наложены *деньги.* И у него лежат *конфеты, я ему всегда туда ложу, у него лежат бусинки.* (Это кукла?) Да, у меня висит вот как кукла, я её очень вот люблю, я на него вот всё время люблюсь. И мне домой хочется. У меня *Кирюша* домой идёт: *«Мне там, мама, дома у нас, хорошо».* Я горю: *«Ну вот домовый нас любит»* [там же]. На наш взгляд, такая практика представляет собой осовремененный обряд жертвоприношения, подразумевающий не только кормление духа пищей, но добровольную передачу ему части своей собственности, с целью умиловления адресата, получения от него помощи, защиты, здоровья и других жизненных благ [Бушкевич 1999: 208]. При этом в материалах словаря «Славянские древности» не упоминается о том, что для совершения приношений домовому его изображали в виде идола и специально организовывали в доме место культа. Поэтому обряд, описанный информантом, скорее всего, является современным ритуалом, представляющим собой контаминацию архаических традиционных верований, связанных с оставлением пищи для домашнего духа в его локусах (печи, подполье, конюшне и т. д.), и обрядов,

проводимых в специально созданных местах культа, посвященных различным мифологическим персонажам (например, языческим богам), где обязательно присутствовала статуя этого персонажа. Причину возникновения такой контаминации мы видим во влиянии на носителей традиций массовой культуры (ср.: фигурки домового покупаются в магазине).

Другой обряд, связанный с почитанием домового, распространенный на территории поселка Северный Коммунар, – это приглашение духа в новый дом при переезде. Согласно верованиям славян, домовый, оставшийся в старом доме, «плачет и воет по ночам, а семью, не позвавшую его с собой, в новом доме ждут несчастья» [Левкиевская 1999а: 123]. Следует отметить, что представления жителей поселка в сравнении с общеславянскими обладают определенными специфическими чертами. Так, в Северном Коммунаре считается, что каждый домовый закреплен в одном доме, поэтому если позвать своего домового в новый дом, где до этого жили другие хозяева, то два духа не смогут ужиться в одном жилище (поэтому нужно либо *договариваться* с чужим домовым, либо избавляться от него – *отправить* куда-л.); своего домового жильцы могут звать с собой только в том случае, если дом совершенно новый, только что построенный: (А когда переезжаешь, надо брать домового с собой?) И1: *А кошку берут случайно не для этого?* И2: *Он на кошке едет.* И1: *<...> Нет, мне кажется, домовый должен быть **закреплён в доме**. В новый дом заходишь, там уже свой домовый* (Материалы 2019); *Слышала, что домовый сидит на венке и на **кочерге**. А обычно, если переезжаешь с дома с одного в другой дом, не надо брать **кочергу** со старого дома. (Почему?) А то привезёшь своего домового в новый дом, и там, в новом доме, они могут (ссориться)... Если там ещё кто-то жил раньше, не совсем с нуля построенный (дом), то они бу(д)ут **ссориться и драться**, эти домовые, и их надо ещё как-то **мирить**. (А говорят, что своего домового надо с собой забирать...) Это хочешь если его забрать с собой домой – да, тогда надо как-то его это самое, **позвать**. (А с тем домовым тогда что делать, который в новом доме?) С тем **договариваться**, его **отправить** куда-то надо [там же].*

Как видно из приведенных фрагментов, основными способами перевода домового в новый дом служат его перенесение с частью старого хозяйства, в частности с *кочергой*, либо с домашним животным (*кошкой*). Использование *кочерги* в описываемом ритуале связано с тем, что в народной культуре она связана с символикой огня, очага, печи (а печь, в свою очередь, выступает как главный элемент дома, «сосредоточие семейно-родовых ценностей, источник жизни и

здоровья» [Топорков 2009: 39] и как один из локусов обитания (титания домового). Что касается обряда с участием *кошки*, то, на наш взгляд, он представляет собой контаминацию традиционного ритуала перевода домового в новый дом (с произнесением определенного приглашения, с использованием для переноса духа таких вещей, как *кочерга*, *угли из печи*, *старые лапти* и др.) и обычая первой впускать в новый дом *кошку*. Как представляется, такая контаминация обусловлена отношением к этому животному в традиционной культуре славян: с одной стороны, *кошка* воспринимается как воплощение дьявола или иной нечистой силы, с другой – она может видеть представителей «нечеловеческого» мира и защищать от них человека и его дом [Гура 1999: 638], т. е. выступает как домашний покровитель.

Итак, на территории поселка Северный Коммунар сегодня сохраняются два обряда, связанных с домовым, – ритуал кормления и ритуал перевода (переноса) в новый дом. Многие элементы указанных обрядов лежат в рамках общеславянской традиции.

1. К таким элементам в обряде кормления относится следующее:

- 1) еду для домового оставляют либо на столе (как одном из главных элементов домашнего пространства), либо в углу дома, в голбце, в ковшне (как традиционных локусах домового);
- 2) пищу для домашнего духа оставляют либо каждый день на ночь (время активизации нечистой силы), либо в дни главных христианских праздников (Рождества, Крещения, Великого четверга и Пасхи), поскольку эти дни воспринимаются как:
 - переходный период между старым и новым годом (календарным циклом) (Великий четверг, Пасха, Рождество);
 - дни поминовения предков (Великий четверг, Пасха);
 - опасное время активизации демонов (Рождество и Крещение как начало и конец святочного периода);
- 3) в качестве пищи для домового используются продукты и блюда, которые, с одной стороны, символизируют плодородие, благополучие и достаток, а с другой – являются поминальной едой (сладкое – конфеты, пряники, варенье; хлеб – шаньги, пироги, блины; каша; яйцо; курица).

2. В обряде перевода в новый дом к общеславянским элементам можно отнести перенос домового с частью старого хозяйства (с *кочергой*).

В то же время на территории поселка наблюдается трансформация обрядов кормления домашнего духа и его перевода в новый дом. По

нашему мнению, такая трансформация происходит под влиянием массовой культуры. К современным верованиям можно отнести следующие:

- 1) кормление домового в его день рождения (28–29 января), который отсутствует в традиционном календаре славян;
- 2) переосмысление выражения *первый блин комом*, где *ком* начинает восприниматься как номинация домового;
- 3) кормление духа (шире – жертвоприношение ему) с организацией места культа домового, где в качестве обязательного элемента присутствует фигурка домового, купленная в магазине;
- 4) перенос домового только в абсолютно новый дом, где никто еще не жил;
- 5) контаминация ритуала переноса домового в новый дом и обычая первой впускать в новый дом кошку.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья».

Источник

Материалы 2019 – Записи диалектной речи русских жителей поселка Северный Коммунар, собранные преподавателями и студентами филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета в июне 2019 г., находящиеся в диалектологическом архиве лаборатории лексикологии и лексикографии (рук. И.И. Русинова) и в фольклорном архиве лаборатории теоретической и прикладной фольклористики (рук. С.Ю. Королёва).

Список литературы

Благова Г.Ф. Пословица и жизнь. Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М.: Восточная литература, 2000. 222 с.

Агапкина Т.А. Пасха // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). С. 641–646.

Агапкина Т.А. Угол // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012а. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). С. 341–345.

Агапкина Т.А. Чистый четверг // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012б. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). С. 555–558.

Бушкевич С.П. Жертва // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). С. 208–215.

Бушкевич С.П. Курица // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). С. 60–68.

Валенцова М.М. Каша // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). С. 483–488.

Валенцова М.М., Седакова И.А. Первый – последний // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). С. 674–679.

Виноградова Л.Н. Яйцо // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). С. 621–626.

Виноградова Л.Н., Плотникова А.А. Рождество // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). С. 454–460.

Виноградова Л.Н., Толстая С.М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 16–44.

Гура А.В. Кошка // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). С. 637–640.

Гура А.В., Лаврентьева Л.С. Блины // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1: А (Август) – Г (Гусь). С. 193–196.

Левкиевская Е.Е. Домовой // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999а. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). С. 120–124.

Левкиевская Е.Е. Задабривать // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999б. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). С. 244–246.

Левкиевская Е.Е. Подпол // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные

**Гранова М.А. ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С ДОМОВЫМ, В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
ПОСЕЛКА СЕВЕРНЫЙ КОММУНАР СИВИНСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ**

отношения, 2009. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). С. 103–106.

Седакова И.А. Сладкий // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). С. 33–39.

Толстая С.М. Хлеб // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ.

ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). С. 412–421.

Топорков А.Л. Печь // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). С. 39–44.

**THE RITUALS RELATED TO A BOGGART IN THE MYTHOLOGICAL TRADITION
OF THE SEVERNY KOMMUNAR VILLAGE, SIVINSKY DISTRICT OF PERM KRAI**

Mariya A. Granova

Assistant Lecturer, Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

The article discusses some rituals related to a boggart – the feeding ritual and the ritual of moving to a new house – that function on the territory of the Severny Kommunar village in the Sivinsky district of the Perm Krai. The analysis of the records of dialect speech of Russian native speakers who reside on the territory under consideration proved that in the village common Slavic beliefs associated with the conduct of these rituals (the place and time of the feeding rite and the list of dishes, moving the boggart to a new house with some of the old utensils) are preserved. On the other hand, we observe transformation of these rites that occurs under the influence of mass culture (feeding a boggart on his birthday, using a bought figure of the character, reinterpretation of the set-expression *pervy blin komom* and the emergence of a boggart name *kom*, contamination of the rite of moving a boggart to a new house by the custom of first letting a cat into it).

Keywords: Perm Krai dialects; folk demonology; the Severny Kommunar village; boggart; “feeding” a boggart; inviting a boggart to a new house.